

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ, КАССАЦИОННОЕ И НАДЗОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В КОНТЕКСТЕ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМУ СТАНДАРТУ*

В статье рассматриваются вопросы соответствия правовым международным стандартам законодательных положений, внесенных в уголовное судопроизводство России Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 года.

Ключевые слова: апелляция, кассация, надзорное производство, правовая определенность, инстанционность судебного пересмотра

The article deals with issues of compliance with international legal standards of provisions of Federal Law № 433 from December 29 2010.

Key words: appeal, cassation, review proceedings, legal definiteness, instances of court review

Контрольно-проверочные производства и стадии уголовного судопроизводства России (апелляция, кассация и надзор), по сути, традиционно служили предметом критических замечаний со стороны международного правового сообщества, поскольку *a priori* не обеспечивали ни действия принципа *res judicata*, ни верховенства права. Законодательные новеллы от 29 декабря 2010 года¹, напротив, предложено, как известно, оценивать как очередной и весьма значимый этап судебной реформы, результатом которого явилось и кардинальное, и качественное преобразование апелляционного, кассационного и надзорного порядка проверки состоявшихся судебных решений в уголовном судопроизводстве России². Специалистам, практикующим в сфере уголовного судопроизводства России, в целом известны и основные детерминанты предложенных нормативных новаций.

Во-первых, это весьма широко озвученные тезисы о том, что исключительно апелляционный порядок проверки судебных решений в силу известных преимуществ процессуальной формы в состоянии обеспечить заинтересованным лицам и надлежащую защиту их нарушенных интересов и прав, и конституционное право на пересмотр уголовного дела по существу более опытным и компетентным судом. Оптимальным средством реализации данных новаций, естественно, виделось реформирование судебной системы России и создание структуры окружных апелляционных судов³.

Во-вторых, не менее известны дискуссии о предмете и процессуальной форме проверки в судах кассационных и надзорных инстанций; правомерности неоднократной надзорной проверки окончательных актов суда и возможных пресекательных сроках по-

добной проверки; соотношении законодательных оснований для отмены, изменения судебных решений в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. В итоге суть предложений, как правило, сводилась к кардинальному реформированию кассации и возвращении ее к классическому своему образцу, согласно которому непосредственным предметом проверки в данном порядке должны выступать исключительно свойства законности окончательных актов суда. Естественно, намечалось и известное единство кассационной практики (единство кассационной инстанции), особые основания инициации исключительного производства в кассационном суде, запрет для кассационной инстанции вносить изменения в приговор⁴.

В-третьих, обсуждался также вопрос о целесообразности сохранения самого надзорного порядка проверки при условии распространения апелляции на все виды вынесенных по первой инстанции судебных решений и восстановлении в российском уголовном процессе классической, по сути, кассации⁵.

Оставим за рамками обсуждения все тонкости предложенных нормативных новаций и обратимся исключительно к ключевым моментам введенных новелл, которые, во-первых, позволят понять основные векторы и проблемы реализованной реформы и, во-вторых, ее соответствие правовым международным стандартам, к которым традиционно апеллировали в контексте *de lege ferenda*.

Апелляционное производство. Известно, что этот порядок проверки распространен на все виды итоговых и промежуточных актов суда, вынесенных по первой инстанции. Надлежащим предметом апелляци-

* KOVTUN N.N. APPEAL, CASSATION AND REVIEW PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES AND THEIR COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS

онной проверки являются также итоговые решения, постановленные по первой инстанции в суде с участием присяжных заседателей (разд. XII УПК РФ), с применением особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), с учетом заключенного досудебного соглашения обвиняемого о сотрудничестве с прокурором (гл. 40.1 УПК РФ).

В контексте широкой свободы обжалования указанные походы законодателя возможно и видятся максимально оправданными. Однако в российской уголовно-процессуальной доктрине высказаны обоснованные сомнения относительно оптимальности такого подхода⁶. По буквальному смыслу ст. 389.27 УПК РФ основаниями отмены, изменения судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей либо в порядке, предусмотренном гл. 40 или 40.1 УПК РФ, являются исключительно основания, установленные п. 2-4 ст. 389.15 УПК РФ. В итоге названные акты *a priori* не могут быть проверены апелляционным судом в связи с тем, что стороны указывают на явное несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (п. 1 ст. 389.15 УПК РФ). Тем самым, нивелируется главное, по сути, преимущество апелляционного производства — непосредственная проверка вышестоящим судом фактической и юридической сторон приговора. Суть апелляционной проверки для названных актов суда сведена к проверке их формальной законности или оценке их справедливости. Между тем последнее отчасти входит в непосредственные задачи обновленного кассационного производства (гл. 47.1 УПК РФ), которое не требует столь исключительных, как в апелляции, средств познавательной деятельности суда. Соответственно, задачи проверки для исследуемых актов суда могли быть достигнуты и при исходе минимуме кассационных усилий и средств.

Далее, в судоустройственном плане законодатель отказался от создания системы окружных апелляционных судов. Полномочия апелляционных инстанций предоставлены имеющимся звеньям судебной системы. При этом в одних случаях удалось обеспечить деволутивный порядок проверки, а в других — апелляционный пересмотр должен осуществляться в недеволютивном порядке. Последнее имеет место по смыслу норм п. 3 ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ, согласно которым апелляционный отзыв на промежуточное решение верховного суда республики (краевого, областного суда) подается в судебную коллегию по уголовным делам соответствующего суда. В итоге трудно ожидать беспристрастности и объективности судебной проверки, когда постановленные акты суда, по сути, проверяются судьями той же судебной инстанции. Кроме того, данный порядок явно противоречит конституционному праву заинтересованных лиц на пере-

смотр состоявшихся судебных решений именно вышестоящим судом.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что если отдельные авторы категорически не приемлют недеволютивный порядок апелляционной проверки, считая его неэффективным и формальным по сути, то другие, напротив, считают возможным дискутировать в вопросе об этом, утверждая, например, что и применительно к проверке промежуточных решений районного (городского) суда законодатель был также обязан установить аналогичный порядок проверки, «усложнив», соответственно, структурную организацию районного суда⁷. Изыскиваются, естественно, и «преимущества» такого порядка проверки. Во-первых, как заявлено, это существенно сократит сроки пересылки апелляционных отзывов в суд, правомочный к их рассмотрению⁸. Во-вторых, этот порядок проверки позволит освободить суды субъектов Российской Федерации от (буквально) лавины судебноконтрольных материалов, которые надо рассмотреть в кратчайшие сроки. В-третьих, и то и другое, как утверждается, позволит более эффективно обеспечить право заинтересованных лиц на судебную защиту нарушенных интересов и прав.

Тревожит и то, что в предложенных новеллах законодатель не столько расширил возможности апелляционного суда к непосредственному исследованию обстоятельств дела, сколько отдал этот вопрос на усмотрение судей, позволяя им в целом ряде моментов отступать от правил устности и непосредственности исследования доказательств.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ, назначая судебное разбирательство, суд апелляционной инстанции принимает решение о вызове в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц в соответствии с ходатайством стороны, заявленным в жалобе или представлении, **если признает** данное ходатайство обоснованным, в результате чего даже ясно заявленное ходатайство стороны о вызове в судебное заседание свидетелей или специалистов уже не является обязательным для суда, а субъективно оценивается последним на предмет своей обоснованности. Итоги этой оценки для сторон и суда могут быть диаметрально различны. Тем не менее решающее значение имеет воля суда⁹.

Как вытекает из ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ, осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционного отзыва, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования **систем видеоконференц-связи**. Подобное исследование доказательств трудно согласуется с условием устности и непосредственности деятельности суда, управляю-

щего правосудие, в силу чего это средство познания давно и последовательно критикуется в российской уголовно-процессуальной доктрине.

Часть 5 ст. 389.13 УПК РФ гласит, что свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в апелляционном суде, **если суд признает их вызов необходимым**. И здесь законодатель апеллирует к внутреннему убеждению суда в вопросе о релевантно значимых обстоятельствах, которые могут быть установлены с помощью непосредственного и устного допроса данных свидетелей сторонами и судом. Между тем апелляторы, безусловно, не могут быть ограничены в этом средстве доказывания

Согласно ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ **с согласия сторон** суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционные жалобу, представление **без проверки доказательств**, исследованных судом первой инстанции. При этом в законе не поясняется, в каком процессуальном порядке, на каком этапе судопроизводства испрашивается указанное согласие. Не поясняется также и то, необходимо ли единодушное согласие всех заинтересованных лиц (потенциальных апелляторов) или согласие только тех из них, которые непосредственно участвуют при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции (в том числе с учетом отмеченного дискреционного усмотрения суда в этом вопросе).

Наконец, в соответствии с ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ суд апелляционной инстанции вправе исследовать доказательства **с использованием систем видеоконференц-связи**. При этом непонятно, все доказательства или выборочно, и, кроме того, для подобного «выбора», по смыслу закона, не требуется выяснять волю иных заинтересованных лиц, которые, возможно, настаивали бы на ином порядке исследования доказательств (ст. 274 УПК РФ).

О том, каким именно образом судьи используют столь широко предоставленные альтернативы, уже сейчас достаточно объективно пишет, например, судья Верховного суда РФ А.С. Червоткин. «Как показывают результаты проводившихся в судах областного уровня обзоров судебной практики рассмотрения апелляционных дел, — отмечает указанный автор, — на практике суд апелляционной инстанции **в подавляющем большинстве случаев** исследует уже имеющиеся в материалах дела доказательства»¹⁰. По сути, это достаточно апробированный аналог действующей кассационной проверки. В итоге, предлагая тотальное распространение апелляции, законодатель, как видим, не очень настаивает на устности и непосредственности исследования доказательств в данном суде, изначально отказываясь от одной из наиболее надежных процессуальных гарантий эффективности данного производства и постановления правосудно-

го приговора. Достаточно очевидны и альтернативы для выбора

По поводу расширения возможностей апелляционного суда к возвращению уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции особое неприятие вызывают нормы, согласно которым при обнаружении неустранимых нарушениях закона апелляционной суд *a priori* вправе вернуть дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции (ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ). Что это за «неустранимые» нарушения закона, которые *a priori* не могут быть устранены более опытным и компетентным апелляционным судом, законодатель не поясняет. Не поясняет он и то, почему менее опытный суд нижестоящей инстанции, обладающий, по сути, тем же следственно-познавательным инструментарием, в состоянии исправить указанные («неустранимые») нарушения закона, а более опытный суд — не в состоянии.

Предположим, речь идет о таких существенных нарушениях закона, допущенных в суде первой инстанции, которые дают апелляционному суду основания для признания предыдущего судебного производства полностью недействительным (аналоги указанных нарушений в отдельных из оснований ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ). Дают они право апелляционному суду полностью дезавуировать предыдущее производство по делу? Безусловно, да. Ведь именно в этом, как декларировалось, — суть и основное предназначение апелляции, которая в данной ситуации более не связана доводами сторон и, соответственно, не проверяет производство по делу, а проводит именно новое судебное разбирательство по существу. Как указывает Л.В. Головкин, классическая европейская апелляция, знает и применяет подобный порядок, характеризующийся в теории уголовно-процессуальной науки как правило эвокации¹¹. Более того, современную апелляцию невозможно представить без эвокации, ибо, если мы выступаем за классическую модель апелляции, — она в принципе несовместима с отменой приговора апелляционным судом и направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд нижестоящей инстанции¹². У нас, как видим, возобладали принципиально иные подходы. По сути, отказываясь от классической апелляции, применения правила эвокации, мы, как обычно, копируем суррогаты, отчасти известные судопроизводству Германии или Швейцарии.

Неоднозначно должны быть восприняты и нормы закона, согласно которым суд апелляционной инстанции не вправе отменить оправдательный приговор и постановить приговор обвинительный, как это имеет место в настоящее время. Единственно объяснение подобных позиций — в коллизии правила *reformatio in peius*, презумпции невиновности обвиняемого и без-

условного права осужденных на пересмотр обвинительного приговора, как минимум, еще в одной судебной инстанции (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ). Очевидно, что при сохранении права апелляционной инстанции на отмену оправдательного приговора и постановление по итогам проверки приговора обвинительного, осужденные фактически лишаются конституционного права на пересмотр этого приговора, причем как в фактической, так и, во многом, в юридической его части. Во-первых, в силу того, что предметом кассационной проверки служат исключительно свойства законности окончательных актов суда. Соответственно, фактическая сторона этого приговора презюмируется истинной, не подлежащей проверке. Во-вторых, инициация (исключительного) кассационного производства зависит от дискреционного усмотрения уполномоченных должностных лиц, требуя и существенных, и явных нарушений закона. В итоге оправданные в суде первой инстанции, а затем осужденные апелляционным судом лица оказались бы не только ограниченными в праве судебной защиты, но и в положении лиц, лишенных подобной защиты. Как видим, законодатель, отказываясь здесь от одного из основных преимуществ апелляционной проверки.

Кассационное производство. Законодателем изменен непосредственный предмет проверки кассационного суда. В качестве последнего выступают исключительно свойства законности проверяемых актов суда (ст. 401.1 УПК РФ)¹³. По сути, это концепт классической кассации, согласно которому окончательные акты суда *a priori* не могут быть предметом проверки фактической обоснованности итоговых выводов нижестоящего суда, ибо уголовное дело на этот предмет уже дважды рассматривалось и разрешалось по существу — в первой и апелляционной инстанции. Однако принципиальность подходов законодателя в указанном определении предмета проверки может быть поставлена под сомнение.

Во-первых, в силу того, что если (искомые) свойства законности или обоснованности итоговых решений суда составляют самостоятельные основания отмены, изменения проверяемых актов суда, то несправедливость приговора по смыслу ст. 398.18 УПК РФ неразрывно увязывается с неправильным применением норм материального права. Проверкая в порядке кассационного (ст. 401.15 УПК РФ) или надзорного (ч. 2 ст. 412.1, ст. 412.9 УПК РФ) производств исключительно свойства законности, вышестоящий суд при оценке норм материального права неизбежно войдет в оценку справедливости обжалованного судебного акта. Последнее не согласуется с заявленным предметом кассационной проверки, поскольку косвенным предметом оценки суда выступает и категория справедливости.

Во-вторых, в качестве необходимого средства проверки в кассационной и надзорной инстанциях законодателем не только оставлено, но и явно усилено ревизионное начало деятельности (ч. 1 и 2 ст. 401.16, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ). Согласно последнему суд, безусловно, вправе выйти за пределы внешнего отзыва и проверить уголовное дело в полном объеме. Однако насколько в полном, законодатель не поясняет. Не поясняет он и то, насколько ревизионным началом охватывается проверка свойств не только законности, но и фактической обоснованности окончательных актов суда¹⁴. Данная двойственность понимания сути закона уже сама по себе в состоянии нивелировать усилия законодателя по ограничению предмета проверки. В теории российской уголовно-процессуальной науки и в практике контрольно-проверочных производств также налицо явные тенденции к «реанимации» традиционного предмета проверки. Например, Ю.В. Кувалдина, анализируя нормы Закона от 29 декабря 2010 года, с достаточной высокой степенью убежденности пишет о том, что требование законности и обоснованности процессуальных решений всегда неразрывно связаны между собой. Соответственно, приговор, «содержащий выводы, не соответствующие фактическим обстоятельствам дела, заведомо незаконен»¹⁵. В силу этого *a priori* правильным данному автору представляется решение суда кассационной инстанции, согласно которому приговор, постановленный в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) и обжалованный по мотивам нарушения уголовно-процессуального закона, тем не менее, отменяется вышестоящим судом со ссылкой на ст. 380 УПК РФ.

В-третьих, проблема реального предмета проверки суда кассационной и надзорной инстанции объективно «проявляет» себя и при оценке оснований к отмене, изменению приговора. Напомним, они сформулированы в нормах ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ (кассация) и ч. 1-2 ст. 412.9 УПК РФ (надзор). В том и другом случае законодатель апеллирует к существенным нарушениям закона, повлиявшим на исход дела. И проблемы, казалось бы, нет. Однако только тогда, когда во внимание не принимается такое начало проверки, как недопустимость поворота к худшему. В нормах кассационного (ст. 401.6 УПК РФ) и надзорного (ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ) производств подобный поворот по идее возможен при условии, конечно, отмены проверяемого акта суда и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд нижестоящей инстанции. В итоге заинтересованные лица не лишены права требовать перед кассационным и надзорным судом ухудшения положения осужденного (оправданного). Фактически речь идет о свойствах несправедливости вступив-

шего в законную силу судебного акта. Соответственно, отменяя окончательный акт суда по указанным мотивам (основаниям) и направляя уголовное дело на новое судебное рассмотрение, кассационная или надзорная инстанция фактически признает несправедливость окончательного акта суда, требует устранения этого нарушения, признав притязания заинтересованных лиц в этом вопросе и законными, и обоснованными. Отсюда и сомнения в принципиальности позиций законодателя, который, как уже отмечалось, в качестве предмета кассационной и надзорной проверки определяет исключительно свойства законности.

С концептом окончательных актов суда не согласуются и нормы закона, согласно которым проверка может иметь место неоднократно и в различных кассационных инстанциях (ч. 2 ст. 401.3, п. 5 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ). По сути, в новом законе утрачена ясность в понимании окончательных актов суда. Кроме того, при подобной организации кассационной проверки бессмысленно ставить вопрос о единстве кассационной практики, в том числе и в контексте известной проблемы судебного прецедента, если, конечно, в виду не имеется единство надзорной практики. В связи с этим принципиальным остается обеспечение такого порядка проверки, при котором окончательные акты суда проверялись бы только единожды (и в одной кассационной инстанции)¹⁶.

Непринципиальные подходы законодателя и к определению юридических оснований для отмены, изменения окончательных актов суда. Указанными основаниями, как видим, могут служить исключительно существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела. При этом не поясняется, насколько эти существенные основания, во-первых, тождественны или отличны от столь же существенных нарушений закона, которые приведены в качестве оснований ординарной апелляционной проверки (ст. 389.17 УПК РФ)¹⁷. Во-вторых, законодатель не видит принципиальных различий в основаниях отмены окончательных актов суда по мотивам, улучшающим положение осужденных (оправданных), и по мотивам, ухудшающим их положение. Между тем в качестве последних могут выступать исключительно фундаментальные нарушения закона, которые далеко не тождественны достаточно известным и формально определенным существенным¹⁸.

Как скопированы в кассационный порядок и известные полномочия председателя Верховного суда РФ (его заместителей), связанные с инициированием кассационного (надзорного) пересмотра (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ). Между тем в соответствии с позициями Европейского суда по правам человека указанные дискреционные полномо-

чия председателя Верховного суда РФ порождают явную неопределенность в процедуре организации состязательного надзорного пересмотра¹⁹. Они же, как минимум, вызывают вопросы в российской уголовно-процессуальной доктрине, поскольку посредством указанных новаций в систему проверки обжалованных судебных решений, по сути, введена новая инстанция — председатель (заместитель председателя) соответствующего суда. Однако все легитимные инстанции указаны законодателем в нормах закона. Председатель суда не входит в указанный перечень. И в этом контексте совершенно прав М.Л. Поздняков: суть подобной новации — это облечение полномочий высших должностных лиц судебной системы в процессуальные одежды. Прав он и в том, что вся стадия производства в суде надзорной инстанции «завязана» на должностях²⁰. Указанный председатель суда (по сути исследуемых полномочий) выступает именно в роли административного, наделенного властно-распорядительными полномочиями чиновника, а не судьи. Нет такой инстанции — председатель суда, но есть такая должность. Соответственно, решение суда надзорной инстанции об отказе в возбуждении надзорного производства, принятое в процессуальном порядке, отменяется решением не вышестоящей инстанции, а высшим административным начальником, указания которого *a priori* обязательны для исполнения. Кроме того, закон в принципе не поясняет, реализуются ли указанные полномочия указанным должностным лицом в связи с обращением заинтересованных лиц или инициативно, в силу имеющихся властно-распорядительных полномочий. Первое более или менее объяснимо, тогда как второе — это «ручное управление» судами, какими бы благими намерениями это не объяснялось.

Безусловно, права и В.А. Лазарева, указывающая на то, что в случае отказа в удовлетворении предъявляемых требований или удовлетворении их частично названное должностное лицо объективно не вправе «преобразовывать» кассационный отзыв в надзорный, в том числе предлагая его к рассмотрению непосредственно в Президиум Верховного суда РФ, как это имеет место в нормах ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ²¹. Как известно, Конституционный Суд РФ в свое время достаточно однозначно высказался в вопросе о том, насколько высшие должностные лица судебной системы вправе выступать инициаторами надзорных протестов в условиях состязательной формы процесса и правила *res judicata*²². В связи с этим воспроизведение указанных полномочий в нормах Федерального закона № 433 от 29 декабря 2010 года мы считаем методологической ошибкой, которая должна быть в принципе устранена.

Надзорное производство. Оставим без обсуждения проблемы надлежащего предмета проверки и оценки суда надзорной инстанции, действительные основания отмены, изменения судебных решений и другие вопросы, «повторяющие» проблемы (обновленного) кассационного производства, поскольку они отчасти уже рассмотрены нами. Остановимся исключительно на проблеме повторности надзорной проверки. По идее в условиях действия правила *res judicata* она должна быть в принципе исключена законодателем²³. Однако этот вывод явно вступает в коллизию с п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ, указывающего на возможность пересмотра в надзорном порядке постановлений Президиума Верховного суда РФ. Тем самым допускается повторная проверка постановленных актов суда в одной и той же судебной инстанции, ибо иной надзорной инстанции в структуре судебной системы Российской Федерации просто нет. В итоге правило *res judicata* для данного производства выглядит не более чем надуманной фикцией.

Из смысла закона не может с однозначностью следовать и вывод о том, что названная норма не будет использоваться субъективно, для неоднократной проверки судебных решений, постановленных в высшей судебной инстанции России. В частности, в отличие от норм ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ, в нормах ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ законодатель не указывает на последствия рассмотрения отзыва, внесенного в Президиум Верховного суда РФ непосредственно председателем Верховного суда России, особенно в той ситуации, когда данный отзыв оставлен данным судом без удовлетворения либо удовлетворен частично. Вправе ли в данном случае председатель Верховного Суда РФ (его заместитель) по аналогии норм ч. 6 ст. 401.14 УПК РФ своим властно-распорядительным решением (распоряжением) «обязать» Президиум Верховного суда РФ к еще одной надзорной проверке данного отзыва и в целом уголовного дела? Учитывая, что отношения между данными субъектами надзорной проверки, по сути, носят административный, а не сугубо процессуальный характер, ответ на этот вопрос не так уж и очевиден. Тем более что нормы п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ потенциально создают возможности к подобной «неоднократной» проверке итоговых решений Президиума Верховного суда РФ, причем к проверке именно в надзорном порядке, а не по новым для суда обстоятельствам, что, возможно, было бы оправдано и объяснимо. В итоге мы категорически не приемлем введение указанных новаций в процессуальную форму исключительных контрольно-проверочных производств. Очевидно, что посредством указанных полномочий высших должностных лиц судебной системы из средств защиты законного интереса строго заинтересованных лиц кассаци-

онные и надзорные инстанции неизбежно «преобразуются» в единую и согласованную управленческую вертикаль, которая если что и обеспечивает, то лишь состояние известной и своеобразно понимаемой единой законности. Кроме того, законодатель в принципе не обсуждает проблему, связанную с преюдициальной силой решений (ст. 90 УПК РФ), вступивших в законную силу и являющихся предметом повторной проверки суда. Между тем эта проблема явно проявит себя и при повторном пересмотре указанных решений Президиума Верховного суда РФ (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ), и при повторной апелляционной проверке по отзывам иных заинтересованных лиц (ст. 389.26 УПК РФ).

Если суммировать все вышесказанное, то налицо определенные сомнения в том, что посредством введения исследуемых выше новаций законодателю действительно удалось сформировать процессуальную форму апелляционной, кассационной и надзорной проверки, соответствующей международно-правовому стандарту.

Ковтун Николай Николаевич,
профессор кафедры уголовного права и уголовного
процесса Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» —
Н. Новгород, доктор юридических наук
kovtunnov@mail.ru

- ¹ О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 433 // Рос. газ. 2010. 31 дек.
- ² Принятие Федерального закона № 433-ФЗ — весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 10–17.
- ³ Совещание по вопросам совершенствования судебной системы [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru> (Дата обращения: 08.02.2010).
- ⁴ Последнее было методологически верно и объяснялось, прежде всего, тем, что у данного суда нет необходимого следственно-познавательного инструментария для познания действительных обстоятельств дела (как в суде апелляционном).
- ⁵ Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции : науч.-практ. пособие. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 18, 36; Дорошков В.В. Нельзя реформировать судопроизводство, не реформировав судоустройство // Уголовный процесс. 2010. № 12. С. 13; Романов С.В. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П и проблема обеспечения исключительного характера проверки приговоров в порядке надзора в уголовном судопроизводстве // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 1. С. 14 и др.
- ⁶ Ляхов Ю.А. Введение апелляции в уголовное судопроизводство России — усиление гарантий правосудия // Рос. юстиция. 2011. № 10. С. 23–25; Тарасов А.А. Об апелляционном пересмотре решения суда присяжных // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 18–20.

- ⁷ Проскурина Т.Ю. ФКЗ РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»: некоторые проблемы преобразования судебной системы // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 6–8; Закотянская А.Ф. О некоторых проблемах апелляционного пересмотра промежуточных решений // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 16–17 и др.
- ⁸ Признаем, что сократит, ибо «занести» судебные материалы из одного кабинета в другой — значительно проще, чем обеспечить процедуры проверки беспристрастным судом.
- ⁹ Отметим, что законодатель не поясняет, как указанное соотносится с нормами ч. 4 ст. 271 УПК РФ, согласно которым суд не вправе отказать в ходатайстве сторон о допросе свидетеля или специалиста, которые явились в суд по вызову одной из сторон.
- ¹⁰ Червоткин А.С. Апелляция и кассация : пособие для судей. М. : Проспект, 2010. С. 214.
- ¹¹ Головки Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрист, 2011. С. 55–56.
- ¹² Pradel J. Procedure penale. 15 ed. P., 2010. P. 793.
- ¹³ Сказанное во многом касается и обновленного надзорного производства (гл. 48.1 УПК РФ).
- ¹⁴ Лазарева В.А. Апелляция, кассация, надзор: анализ формы // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления. С. 106–144.
- ¹⁵ Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 14.
- ¹⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюл. Верхов. суда Рос. Федерации. 1994. № 12. С. 5–11; Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
- ¹⁷ Практика отправления правосудия в Европейском Суде однозначно говорит: основания отмены, изменения приговора в ординарном и экстраординарном порядках должны быть различны, что обусловлено самой сутью окончательных актов суда. См. : По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 УПК РСФСР, ст. 47 Уголовного кодекса РСФСР и ст. 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан : постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 17 июля 2002 г. № 13 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 31. Ст. 3160.
- ¹⁸ По смыслу ст. 401.6 УПК РФ пересмотр окончательного судебного акта по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, допускается в том случае, если в ходе проверки установлено, что в рамках предыдущего судебного разбирательства допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие суть правосудия и смысл итогового судебного акта. Подобные оговорки законодателя вряд ли можно воспринять в качестве надлежащей разработки категории «фундаментальные нарушения закона».
- ¹⁹ По вопросу о приемлемости жалобы № 33408/03 «Анатолий Александрович Денисов против Российской Федерации» : решение Европейского суда по правам человека от 6 мая 2004 г.
- ²⁰ Поздняков М.Л. Эволюция надзорной стадии в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=12536>.
- ²¹ Лазарева В.А. Указ. соч. С. 106–144.
- ²² По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан : постановление Конституц. суда Рос. Федерации от 5 февр. 2007 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.
- ²³ Дело «Рябых против Российской Федерации» : постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2003 г. // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110–119.

ОБЖАЛОВАНИЕ ПРИГОВОРОВ И ИНЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ)*

Статья посвящена исследованию института обжалования приговоров и иных судебных решений по уголовным делам. Особое внимание уделено соотношению российского законодательства и международных стандартов, обеспечивающих права и законные интересы вовлеченных в процесс лиц. Также проведено сравнение положений УПК РФ, действующих в настоящее время, и правил, которые вводятся в действие с 1 января 2013 года.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, приговор, апелляция, кассация, жалоба, осужденный, потерпевший.

The article deals with the institution of appeal of sentences and other court rulings in criminal cases. Special attention is paid to the correlation of Russian legislation and international standards providing rights and legal interests of the persons involved in the case. The author also compares the current provisions of the Criminal Procedure Code and the provisions entering into force from January 1 2013.

Key words: criminal procedure, trial, sentence, appeal, cassation, complaint, convicted person, victim.

* RUDAKOVA S.V. APPEAL OF SENTENCES AND OTHER COURT RULINGS (RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE)